

К 80-летию со дня рождения
Аркадия Петровича ГАЙДАРА

«КАК Я ЛЮБЛЮ ЭТО СЛАВНОЕ ПЛЕМЯ...»

ПОНАЧАЛУ Тимур Аркадьевич Гайдар отказывался от интервью, и возражения его были серьезны.

— Понимаете, — говорил Тимур Аркадьевич, — думаю, что отец был бы недоволен, если бы узнал, что в день его 80-летия сын выступает с воспоминаниями о нем во всех газетах.

Подумалось: скромность — фамильная гайдаровская черта.

Позже выяснилось, что лишь в двух изданиях сын писателя, контр-адмирал, редактор военного отдела «Правды», позволил себе рассказать об Аркадии Гайдаре, каким он помнил его. Узнав, что на этот раз с просьбой обращается «Учительская газета», улыбнулся задумчиво:

— Перебирая как-то дневники отца, я нашел там такую запись, которая была сделана после первого награждения большой группы учителей орденами и медалями. Гайдар писал: «Сегодня наградили орденами и наших учителей. Как хорошо! Как я люблю это славное племя».

Если говорить о Гайдаре и детях — это целый мир. Это, собственно, его жизнь. Если говорить о нем и непосредственно о школе, то, как это ни странно, полистаешь все его книжки и о взаимоотношениях учителей, вопросах успеваемости найдешь очень мало. Как такового школьного рассказа у него вовсе и нет. И все-таки от педагогики, как я понимаю, Гайдар неотделим. Дело, видимо, в том, что школа ведь не только учит, она формирует человека. А вот в вопросах формирования личности, основных человеческих качеств, параметров бытия Гайдар, как при своей жизни, так и сейчас «работает» на школу и на учителей.

— А можно ли говорить о



каких-то педагогических принципах, воспитательном кредо Гайдара?

— Вспоминаю свое детство и думаю: а ведь нельзя найти грань, которая разделяла бы — вот отец воспитывает, а вот нет... Практически я и не помню у него, так сказать, назидательной педагогики, когда он словами объяснял, что надо делать то и не делать этого. Но он ставил ребят, и меня в том числе, в такое положение, когда маленький человек сам начинал понимать, «что такое хорошо и что такое плохо». Делалось это всегда с таким уважением к нам, что прощтрафиться и как-то даже не по себе станет. Потому что отец просто разведет руками: вроде человек разумный,

многоуважаемый, а делаешь какую-то глупость...

Аркадий Петрович уже к самым маленьким детям, о которых принято говорить «несмышлениши», относился как к личности, способной очень многое понять и почувствовать, важно лишь — как ты с этой личностью будешь общаться.

В 1931 году, мне было тогда пять лет, мы с отцом ехали в Крым, в «Артек», сначала поездом, потом в автобусе. Автобус сломался, пришлось идти пешком к лагерю. Уже ночь была. Так ярко сохранился в памяти этот эпизод — ночь, море, звездное небо. У отца в дневнике не так давно я нашел запись: «Шли с Тимуром по берегу моря, думали, разговаривали». Не для кого, просто для себя за-

писал. Парнишке-то всего пять лет было, а вот записал — «думали, разговаривали»... Когда такое отношение к ребенку — не прием, когда это внутреннее убеждение человека, это, по моему, высокая педагогика.

Правил воспитательных у него, пожалуй, не было, а вот принцип отношения к жизни был. Родители ведь зачастую на какие-то просьбы ребят, совершенно не думая, почти механически говорят «нет». «Мама, можно, я пойду?», «Нет!», «Мама, можно я возьму?», «Нет!». А почему, собственно? Нередко это «нет» является защитной реакцией, оберегающей спокойствие взрослого. Не дай бог, возьмет ребенок молоток — палец отобьет; пойдет с друзьями в лес — заблудится... Маме так спокойнее. Но задача-то не в сохранении спокойствия, а в формировании личности человека. Так ли уж редко случается, когда двадцать пятое «нет» становится для мальчишки «да». Наперекор — «да!» Самовольно — «да!» Вот так мы порой «помогаем» раскрыться личности, «формируем» ее.

Гайдар очень редко говорил «нет». Но уж если он так говорил, его «нет» всегда было обоснованное, твердое и непреклонное.

— А не припомните ли пример такого гайдаровского «нет»?

— Мне велосипед хотелось очень в детстве. Сейчас велосипедом никого не удивишь. А тогда это было приобретение, предмет гордости обладателя! И отец к какому-то сроку пообещал мне велосипед. Вдруг приходит однажды домой мрачный, задумчивый. Я ему: — Папка, в чем дело? Он отвечает: «Понимаешь, Тимур, я тебе обещал велосипед. И деньги у меня сейчас

есть, и в магазине я видел. Но вот у товарища моего случилась беда, и ему нужно срочно одолжить деньги. А я тебе слово дал и не знаю, что делать...».

Другой, может быть, забыл бы, подумавшись, перед 12-летним мальчишкой отчитываться, советы спрашивать! Гайдар же, пока со мной не поговорил, вопрос этот для себя не решал. Ведь он дал слово! А слово нужно держать. Значит, и я должен был держать свое слово. И вот опять хочу подчеркнуть, это не какой-то педагогический прием, это внутренняя сущность человека, способ жизни, мышления. Поэтому, наверное, в его книжках трудно разделить вымысел и реальность, в них нет грани между тем, как он сам думал и как думают его герои. Именно поэтому он так мучился в первые недели войны, когда его не пускали врачи на фронт. Он не мог себе представить, как же он, бывший командир, человек, написавший в своих книгах такие слова, мог оказаться, хоть несколько дней не на фронте! Для него это была трагедия. И Гайдар добился, чтобы ему разрешили...

— Вы, наверное, завидовали ему, как все мальчишки военного времени? Тем более что у вас уже были навыки не бояться, не трусить — Гайдар ведь наверняка учил вас быть смелым?

Тимур Аркадьевич улыбнулся. Каким-то неуловимым выражением лица он очень напомнил в этот миг отца.

— Учил. Но я об этом не догадывался. Отец устраивал мне испытание на смелость. Снова вспоминается наша поездка в Крым. Сидим в вагоне — ресторане поезда. Отец говорит: «Тимур, пойди принеси мне спички». Через три вагона нужно пройти, и я иду, открываю двери, переступаю с опаской пры-

гающий мостик тамбура. И не знаю, что отец тихо идет за мной. Но так, чтобы я не видел. Зато возвращаясь, с гордостью протягиваю ему спички... Конечно, он волновался. Но считал так поступать необходимым. Благодарен отцу за это. И я своего маленького сына оставлял за рулем катера в штормовом море; ему, шестилетнему, поручал очень серьезные вещи. Когда семья жила на Кубе в бытность мою собкором «Правды», там у нас не было проблемы — оставлять Егорку одного дома или нет. Оставляли. Конечно, детей нужно оберегать, но в разумных пределах. Иначе излишнее оберегание это оборачивается потом беспомощностью, неспособностью к жизни, а в конечном счете потребительством.

— Тимур Аркадьевич, а у вас дома в детстве часто бывали ребята, ваши товарищи?

— Часто!

— А почему, как вы считаете?

— Мальчишки и девочки всегда как-то тянулись к Гайдару. Он очень хорошо чувствовал и понимал их. А для этого нужно просто самому быть интересным и хорошим человеком. С придумкой. Сохранившим какую-то молодость души. Вот, например, что он дарил ребятам? Шел в магазин и покупал настоящий компас, рюкзак. Дарил перочинные ножи, «взрослые», объяснял, как с ними обращаться, и знал, что нож никогда не будет употреблен на плохое дело.

Говорят «Тимур и его команда». На мой взгляд, можно и так сказать: «Гайдар и его команда». Приезжал ли он за город писать, вокруг него всегда появлялись ребята. И отношения строились всякий раз на твердой дружеской основе. Если Гайдар работал, было ясно, что

ему нельзя мешать, и ребята выставляли часовых, чтобы в это время к нему никто не шел, а на улице не шумели. Но когда он кончал работу, все вместе шли в лес, к костру, разговаривали, песни пели. И Гайдар читал вслух то, что написал, очень уважительно выслушивая наши мнения.

Наверное, и его Тимур родился из уверенности, что подростки могут делать немалые хорошие дела сами, без покаяния. Почему в гайдаровской повести мальчишки все проворачивали тайно? Чтобы взрослые им не мешали — похвалками, замечаниями или советами. Ведь дети способны до многого додуматься самостоятельно. Тимуровское движение хорошо тогда, когда в команде ребята собрались по своему желанию, не по желанию директора школы. Когда их добрые дела не подканы взрослым, а родились из горячего, вдохновенного и отчаянного порыва самих ребят. Конечно, нужна организация этого движения, но тактичная, без нажима и без грана формализма.

Самостоятельность — великая вещь во все времена. Гайдар 14-летним убежал на фронт, защищать Советскую власть. А его кубинские ровесники, я в этом убедился сам, первыми встретили врагов революции на Плайя-Хирон. Вспомним наших мальчишек времен последней войны. Да и сегодняшние не подкачают. Главное — сделать их такими, чтобы не подкачали.

...В кабинете Тимура Гайдара — небольшая фотография его отца. Свою жизненную позицию Аркадий Гайдар передал сыну, внукам. Всем, кто ценит этого рыцаря детства и жизни.

Интервью взяла
Е. ГРАНДОВА.